

Учение о макаризмах в Св. Писании: опыт богословского и филологического анализа

Вовк Иван Сергеевич

студент 3-го курса Таврической Духовной семинарии, г. Симферополь,
Республика Крым, Россия

The doctrine of the makarismoses in the St. Scripture: the experience of theological and philological analysis

Vovk John

third-year student of the Taurida Theological Seminary, Simferopol, Republic
Crimea, Russia

Аннотация

Макаризмы (греч. μακάριος – «блаженный») – это словесные формулы, в которых кто-либо назван блаженным. Эта статья посвящена исследованию учения о блаженстве (счастье) в Св. Писании в культурном контексте иудейского и греко-римского мира эпохи зарождения христианства. Так же эта статья имеет апологетическую цель: продемонстрировать, что христианство не заимствовало проповедуемые ценности, но единственным их источником является Иисус Христос.

Ключевые слова: макаризмы, блаженство, счастье, Св. Писание, античность, христианство.

Abstract

Makarismos (from gr. μακάριος – “blessed, blissful”) – it’s wording, which call anyone blessed (blissful). This article is devoted to the doctrine of the St. Scripture about blessedness (happiness) in cultural context Jewish and Ancient world, when Christianity was born and was circulated. Also, this research have an apologetical purpose: we want to demonstrate, that Christianity didn’t take preached values, but only Jesus Christ is root of these.

Keywords: makarismos, blessedness, happiness, St. Scripture, antique, Christianity.

Макаризмы – это словесные формулы, в которых кто-либо назван блаженным. Термин введен Аристотелем [1, I 9, (1367b. 34)]. Подобные формулы мы можем встретить и в Священном Писании. Но дело в том, что в

древнегреческом есть несколько слов соответствующих нашему «блаженный», и на протяжении истории их смысловая наполняемость изменялась.

А. ὄλβιος

Это слово относится к человеку, изобилующему материальными благами, которые дарованы богами [3, с. 791]. Так назван Одиссей, обладающий красивой женой [10, XXV, 192-194], а Гесиод относит его к поэту, одаренному музами: «Блажен человек, если Музы любят его: как приятен из уст его льющийся голос!» [7, 96-97]. Участник Элевсинских мистерий так же становился ὄλβιος [8, 480-483]. Из-за материалистического оттенка эта лексема не вошла в философский и богословский лексикон.

Б. εὐδαίμωνος

1) Трагедия

Эпитет образован из двух корней. Из слова εὖς– прилагательного, которое имеет довольно широкое и универсальное значение равнозначное «хороший, благой». Используется уже в Илиаде, где выступает и со значением «надежный», «храбрый» [3, с. 388]. И лексемы δαίμων (-ωνος), которая обозначает божественную, или сверхъестественную силу, судьбу, бога (но не относится к культу) [3, с. 246]. У Гесиода мы встречаем рассказ о людях золотого века, которых после смерти Зевс сделал демонами-смотрителями для последующих поколений [6, 108-126]. Кому попадался благой демон у того была и хорошая судьба, поэтому и о роке говорили как о демоне. Таково первоначальное понимание слова εὐδαίμονία, введенного аттическими трагиками [16, 579-580 (586-587)].

2) Платон и его последователи

Но Платон осмыслил его довольно неожиданно и тем самым ввел в обиход философов идеалистов. «Если человек отдается любви к учению, стремится к истинно разумному и упражняет соответствующую способность

души преимущественно перед всеми прочими, он, прикоснувшись к истине, обретает бессмертные и божественные мысли, а значит, обладает бессмертием в такой полноте, в какой его может вместить человеческая природа; поскольку же он неизменно в себе самом пестует божественное начало и должным образом ублажает сопутствующего ему демона (δαίμονα), сам он не может не быть в высшей степени блаженным (εὐδαίμονα, досл. благо-демонический)» [17, 90]. Таким образом блаженство перешло в сторону интеллектуальную. Такое представление о счастье унаследовали все последующие платоники.

Иудей Филон Александрийский (ок.25 до н.э. — ок. 50 н.э.). В своих трактатах он использует и εὐδαίμονία, и μακάριος. В сочинении «О созерцательной жизни», говоря о терапевтах Филон отмечает: «Пусть род терапевтов, постоянно приучавшийся к созерцанию, устремляется к рассмотрению Сущего, поднимается выше зримо воспринимаемого солнца и пусть никогда не оставляет этого образа жизни, ведущего к совершенному блаженству (εὐδαίμονίαν)» [12, 11-13]. В антропологии Филон выделяет интеллект (διάνοια) и считает, что именно он обуславливает бессмертие человека, в то время как тело – создано из земли и смертно [13, XLVI, 135].

В трактовке Плотина стремление к Благу приобретает религиозный оттенок, можно даже сказать мистическое личное отношение творения к Создателю. Об эвдемонии философ говорит в специальном сочинении «О счастье». Счастливая жизнь проистекает, как и все эйдосы, от Блага. Совершенная жизнь прежде всего «по ту сторону умопостигаемой природы», а остальные жизни «не больше, чем смерти» [15, I , 1]. Все несчастья, как смерть близких, болезни, скорби, мучения, касаются нас через тело. «Ум же не принимает печалей» [14, IV, 3]. Тело благого мужа не сочисляется его сущности. Поэтому «должно сорвать с себя тело и даже ощущения тела, достигнув тем самым самодостаточности пребывания в счастье» [14, IV, 4]. Счастье – это не нагромождение вещей, но обладание истинным благом. «Жизнь общего [т. е. составленного из души и тела] не может быть

счастлива. Правильно считал Платон, что имеющий быть счастливым и мудрым должен брать свое благо Оттуда, свыше, взирать на то[горнее] Благо, жить согласно с Ним и Ему уподобляться» [14, IV, 16]. «Человек, а особенно благой муж, не состоит из души и тела; об этом свидетельствует и его отделение от тела, и презрение к так называемым благам» [14, IV, 14.]. Муж причастный Благу всегда радостен и любезен, если же кто ищет эйдос удовольствия, то уже не благой жизни ищет [14, IV, 12].

3) Аристотель

Аристотель в отличие от платоников крайне конкретен. Для мудреца из Стагиры не существует объективно существующего в другом измерении Блага, это лишь категория человеческой мысли. Благом мы называем исцеление, если больны; богатство, если торгуем; победу, если занимаемся спортом и т.д. Но все же самым явным благом является счастье (εὐδαιμονία). Счастье – деятельность души сообразно добродетели [2, I, 10]. Нравственные добродетели имеют дело с телом, поэтому несовершенны. Например, щедрость предполагает наличие тел у дающего и даримого. Не зависит от слабостей и обстоятельств деятельность ума, следовательно деятельность добродетели ума и есть счастье. Но какая может быть деятельность без поступков, как не созерцание. Значит счастье заключается в созерцательной деятельности. Тем более это дело божественное, ведь Бог в трудах Аристотеля – это обезличенный двигатель Абсолют-Мышление, который пребывает в самосозерцании. И это действие ценно само по себе [2, X, 8].

Итак, в мировоззрении философов, которые пользовались терминологией Платона, мы видим явное презрение к телесности. Счастье (εὐδαιμονία) и блаженство касаются только умной души, и поэтому истинно счастлив созерцатель, все мысли которого направлены на постижение Абсолютной Истины. По Аристотелю философ уже ведет жизнь блаженную, а платоники полагают блаженство в отрешении от материального тела и умном видении идеальной реальности (мир идей, Бог).

4) Стоицизм

В эпоху эллинизма вопрос счастья станет основным. Об этом свидетельствуют популярнейшие философские школы того времени: стоицизм и эпикурейство, являющиеся прежде всего этическими направлениями. И оба эти учения представляются пессимистическими. Для стоика εὐδαιμονία приравнивалась к ἀπάθεια «бесстрастию», под которым понималась невозмутимость перед неприятностями и отстранение от пороков и удовольствий. Основывались они на том, что миром правит Единый Логос, благодаря которому мир гармоничен, и живет. Все, что не ведет к жизни и выживанию – порок, либо ненужно. Жизнь согласно естеству и есть блаженство. Все равно в мировоззрении стоиков мир сгорал в огне каждые 10 800 лет, знание бессмысленности мироздания должно было якобы родить в душе снисходительное отношение ко всему [21, с. 130], но нам такое представление о счастье видится совершенно бесполезным. Мы видим некоторое измельчание термина εὐδαιμονία.

В. μακάριος

Предыдущие два термина ни в Септуагинте, ни в Новом Завете не встречаются. В Св. Писании (например, в знаменитых Заповедях Блаженств) мы встретим именно μακάριος. Но и это слово проделало нелегкий путь.

1) Архаика

Уже в Илиаде слова с корнем μακάρ являются традиционными эпитетами богов [9, I, 595-611]. О каком-то нравственном, или духовном совершенстве блаженных речи не идет. Они испытывают те же страсти и волнения, что и обычный смертный. Божества ограждены от поисков насущного хлеба, прочей мелочной суеты и трудов по поводу обеспечения себе условий существования. Они бессмертны, и обладают огромным могуществом, хотя и не равным (с Кронидом сравниться не может никто). Словом блаженство представляет собой пресыщенность наслаждениями,

боги упиваются и погружены в сладость своего бытия. Они могут делать что хотят: спать сколько хотят, есть сколько хотят и что хотят, слушать лучшие песни муз, бесконечно жить, повелевать стихиями, влиять на судьбы и т.д. При этом такое состояние является их «нормальным» природным состоянием, полученным от рождения, от самих божеств не зависящее, кроме бессмертия, которое дает амброзия. Хотя они обладают физическим телом, так например герой Диомед ранит Афродиту, а затем при помощи Афины – Аррея [9, V , 335-346, 855-870].

Специально для героев устроены Острова Блаженных (Μακάρων Νῆσοι) [6, 157-174]. Достойными такой участи полубоги оказывались лишь за то, что являлись сродными богам или совершили славные подвиги, чем заслужили симпатии олимпийцев. Обрывочные описания посмертного попадания в Элизиум довольно разрознены. Все равно это зависит от капризной воли богов. Например, Менелай попадет на Елисейские поля как зять Зевса, Кастор и Полидевк после смерти попеременно жили с богами и с мертвецами, Геракл же вовсе обитал на Олимпе, а его тень в Аиде. Объективно, в представлении архаики, люди после смерти обречены на безрадостное и бессмысленное пребывание в Аиде – мрачном царстве теней, внутренних разрушительных сил которого боятся даже боги. Даже герой Патрокл после смерти стал тенью в царстве мертвых - ни о каких воздаяниях за моральные качества речи не идет.

По отношению к смертным μακάριος употребляется в исключительных случаях при эмоциональном восхищении говорящего. Например, блаженным называет старец Приам царя Агамемнона [9, III, 182], ввиду его безграничной власти над огромными войсками и изобилия подвластных городов.

У Гесиода блаженными, помимо богов, называются земледельцы, которые честно трудятся и делают хозяйственные дела в нужное время года, а если на их нивы Борей нагонит туман, тогда точно поля дадут богатый урожай [6, 547-557].

2) Пиндар

В одах Пиндара (517-437 г. до н.э.) мы впервые в греческой литературе встречаем письменно изложенное учение о переходе (переселении) душ и отчетливую картину о посмертном суде. «Он представляет себе загробный мир трехчастным: собственно Аид («муки, на которые не подымется взор»), рай (Острова Блаженных) и подобие чистилища, где души ведут «беструдную жизнь», но для искупления грехов (как земных, так и совершенных уже в чистилище) периодически возвращаются на землю. Если три таких искупления выдержаны беспорочно, то в последнем земном пребывании они становятся «святыми героями», а после него обретают вечное счастье на Островах Блаженных» [20, с. 158-159].

Эмоционально завышенная оценка личности в произведениях Пиндара, так же встречается. В своих одах он ярчайшим образом выражает общеэллинское отношение к победителям состязаний. Ведь такой человек становился образчиком добродетели (т.е. благородства, красоты, силы и т.д.), его ставили в пример для подражания. Например, поэт воспекает «блаженный очаг» победителя скачек Гиерона Сиракузского, «который владеет скиптром правосудия в стадообильной Сицилии» и «блещет славословием песнопений» [11, II, 57-79]. Выражение «блаженный очаг» (μάκαρα εστία) не один раз встречается в стихотворениях Пиндара, поскольку занявший первое место одаривался подарками и лично приносил многочисленные жертвы богам, удостаиваясь их особого покровительства. Он был полубогом-героем среди людей. Перед некоторыми даже разбирали стены для торжественного въезда в родной город, таким образом демонстрировали, что с такими гражданами городу ничего не страшно [19, 126-128 с].

Подобное отношение к макаризмам периода архаики является традиционным для эллинской мысли. Оно распространилось и на многие направления классической древнегреческой литературы.

3) Μακάριος в философии.

В языке же Платона макария была возможна только в мире идеальном, для Аристотеля эвдемония и макария понятия равнозначные. Вообще в философском языке мы встречаем μακάριος довольно редко. Чаше им пользовались эпикурейцы и приравнивали это блаженство к ἀταραξία «безмятежности». Блаженство состоит в том, к чему стремятся все живые существа – в удовольствии. Душевное удовольствие остается в памяти, а телесное сиюминутно, поэтому первое непременно выше второго. Из-за этого эпикурейцы были крайне дружелюбны и уважали всякую добродетель от которой происходят наслаждение покоя. Душевному удовольствию и безмятежности препятствуют недовольство, суета общества и страх. Первое Эпикур исключал стремлением к довольству и малым, второе – удалением от общества, а последнее – отрицанием сверхъестественных явлений, посмертного мира и утверждением абсолютной самостоятельности человека, который после смерти переходит из одного материального состояния в другое. «Среди желаний наших следует одни считать естественными, другие – праздными; а среди естественных одни – необходимыми, другие – только естественными; а среди необходимых одни – необходимыми для счастья, другие – для спокойствия тела, третьи – просто для жизни. Телесное здоровье и душевная безмятежность (ἀταραξίαν) – конечная цель блаженной жизни (μακαρίως ζῆν)» [4, 127-128]. Блаженство по Эпикуру – это прежде всего покой и наслаждение. В итоге мудрец стоиков и эпикурейцев внешне очень похож в своей умеренности, хотя выходит из разных предпосылок.

4) Блаженства в Ветхом Завете

Немного иначе обстоит дело в Ветхом Завете. В отличие от греков, евреи имели Закон, и с этикой все было четко и понятно, ни в каких философских доводах иудеи не нуждались. Блаженными в Ветхом Завете становятся через действия. Блажен прежде всего тот, которого избрал Бог и кто признает истинно Сущего: «Блажен народ, которому есть Господь Бог его, люди, которых избрал в наследие Себе» [Пс. 32:12.] Ветхозаветная

праведность – это избрание, когда Творец снисходит и ввиду нравственных качеств человека дает ему некое служение. Блаженство полагается во власти Вседержителя. Человек причастен благу благодаря своему духовному настрою (упование на Бога и Его страх). Такое настроение неразрывно с конкретными поступками в русле Закона, данного на Синае. Например, «блажен, заботящийся о нищем и убогом, в день лютой избавит его Господь» [Пс. 40:2.].

Блаженство понимается прежде всего как здоровая многодетная семья. и отсутствие нужды, под покровом Божиим. Особенно ярко изображено это в 127 псалме: по мимо многодетной семьи богобоязненный муж «увидит благая Иерусалима». Время, когда Иерусалиму будет благо и расцвет сил – это время, когда «изойдет жезл из пня Иессеева, и цвет от него», то есть царство Мессии. В этом Царстве будет всецелое процветание природы, исцеление всех болящих и победа над всеми врагами Израиля, и все иудеи желали больше всего, чтобы их род участвовал в этом царстве. Но встает вопрос: как это касается умерших? «А я знаю, Искупитель мой жив, и Он в последний день восставит из праха распадающуюся кожу мою сию, и я во плоти моей узрю Бога. Я увижу Его сам; мои глаза, не глаза другого, увидят Его. Истаевает сердце мое в груди моей!» - это слова Иова из одноименной книги, из которых можно заключить явную веру в воскресение [Иов. 19:25-27]. В пророческих книгах можно так же встретить подробные проречения о воскресении во плоти.

На первый взгляд, на фоне харизматических песней пророков несколько выделяются «холодные» взгляды Соломона: «Блажен человек, который снискал мудрость, и человек, который приобрел разум» [Притч. 3:13]. Но речь идет не о каком-то свойстве ума, или навыка в учении, но о чем-то большем, а персонификация этой Силы является не просто литературным приемом. Против Премудрости можно грешить, у нее есть пути, она «начало путей», и была «художницей» во время творения мира [Притч. 7:22, 30, 32, 36.]. Но есть в книге Притчей и сходные места с

Псалтирю, например фраза «кто милосерд к бедным, тот блажен», явно одинакова со псалмом 40:2, где говорится о покровительстве нищим и убогим. Так же замечательно поучение: «Без откровения свыше народ необуздан, а соблюдающий закон блажен» [Притч. 29:18.]. Оно наводит на тождество: «соблюдающий Закон – человек, который снискал Премудрость». Опытное исполнение закона ведет к опытному познанию Силы, которая названа в Писании Премудростью, а отсюда человек становится блажен, то есть прилепляется к Богу. Соломон не противоречит пророкам, а выявляет еще одну грань приближения к Сушему.

5) Новый Завет

В Новом Завете мы встречаем парадоксальное («для иудеев соблазн, а эллинам безумие») учение Иисуса Христа. Среди всех публично произнесенных слов Мессии Ев. Матфей ставит на первое место Блаженны. Как мы уже говорили в Св. Писании используется исключительно μακάριος. И блаженными оказываются не боги, не герои, не победители соревнований, не созерцательные мудрецы, не зажиточные семьянины, а, например, плачущие. У Матфея это **πενθοῦντες** – «плачущие», от глагола πενθέω – «быть в печали, оплакивая мертвых» [3, с. 861]. Например, по Септуагинте Иаков «оплакивал (ἐπένθει) сына своего дни многие» [Быт. 37:34]. В третьем Евангелии использовано не **πενθοῦντες**, а **κλαίοντες**, происходящее от глагола κλαίω – «плакать, громко стонать» [3, с. 538]. И обещание звучит: «ибо воссмеетесь» (ὅτι γελήσσετε), - а не «ибо утешитесь». В любом случае ни у одного мыслителя античности, ни у одного восточного мага не срывался с уст такой парадокс. Как могут плачущие приравняться по блаженству к олимпийцам? Мы не встретим особых формальных разъяснений «почему». Св. Писание приводит нам вместо этого конкретные примеры исполнения блаженств, например, грешницы, слезами отершей ноги Спасителя, и получившей явную похвалу от Мессии, а так же отпущение грехов [Мф. 26:5-7]. Речь идет о плаче за грехи.

Приведем еще удивительную проповедь чистоты сердца. Καθαρός – «чистый», может относиться, скажем, к воде, но часто приобретает моральный смысл, и относится к ритуальной чистоте, в том числе телесной [3, с. 478-479]. Сердце – это не только орган, но и самое сокровенное в человеке. Весть же о сердце могла быть воспринята только иудеями, а не античными греками, ведь для последних καρδιά не играла определяющей роли в антропологии – главным был νοῦς «ум». Спаситель ублажает воздержание даже от малейших движений «сердца», продиктованных энергией пола. Это ошарашивающее определение. Ведь иудеи понимали грех как конкретное действие, а для греко-римского мира даже обычное воздержание от внебрачных отношений казалось полезным только девушкам. Например, в трагедии Еврипида Ипполит, мы встречаем молодого девственника, которого все-равно настигает рок от богини эроса Афродиты, а почитаемая им Артемида-дева не помогает своему служителю [5, 1342-1445]. Для мужчины воздержание представлялось совершенно бессмысленным.

Еще тяжелее понять обещанное: «...потому что они увидят Бога», – Бога, которого видеть невозможно. В Священном Писании мы можем найти лишь намеки на то «как» это происходит. Савл, с которым говорил Христос, – ослеп, поскольку не смог вместить Божественный свет. Тот же апостол говорит впоследствии о восхищении до третьего неба и говорит о таком мистическом опыте крайне смутно [2 Кор. 12:2-3]. Даже самый яркий момент явления славы Единородного от Отца (Преображение) требовал последовательного осмысления, которое сформировалось лишь к 14 в. (если говорить о Восточной Церкви). Чаще всего фигурирует ослепительный свет, а зрители Божества находятся в экстатическом состоянии и как бы пьяны от восторга. Такое состояние демонстрирует ап. Петр, подобное говорит Павел. Словом, обещанное Боговидение предстает настолько удивительным и невозможным, что не находится особо средств для его описания. Но намечается так же эсхатологический смысл этого макаризма. Новый Завет не один раз говорит о Втором Пришествии Христа, и видении Его

Воплощенного лика христианами. Например: «Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу» [1Кор.13: 12].

Особую роль в новозаветной письменности играет последнее блаженство: «Блаженны изгнанные праведности ради, потому что их есть Царствие Небесное». Оно пересказывается практически во всех апостольских Писаниях. Особое развитие этот макаризм получает в послании Петра: «Возлюбленные! огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного, но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явление славы Его возрадуетесь и восторжествуете. *Если злословят вас за имя Христово, то вы блаженны, ибо Дух Славы, Дух Божий почивает на вас*» [1Пет. 4:12-14.] Синодальное «почивает» очень гладко проскальзывает мимо уха, хотя глагол ἀναπαύεται относительно Духа Божия звучит очень необычно, и переводится как «отдыхает, останавливается, расслабляется» [3, с. 865]. Однокоренное (гл. παύω) слово употреблено семидесятью толковниками в повествовании Бытия, когда Господь «почил», «успокоился» (κατέπαυσε) в день седьмой [Быт. 2:1-3]. Успокоился Он по завершении «всех дел своих», значит в тех, кто соучаствует и становится подобен страдающему Спасителю, Дух как бы завершает действия ко спасению человека. И далее человека можно назвать блаженным, т.к. на нем покоится Божественный Дух. Но когда Господь завершает «все дела свои» и вселяет человека в «рай сладости», он должен «возделывать его [рай] и охранять». Подобную параллель видно в дальнейшем ходе мысли Первого послания Петра: когда человека можно назвать блаженным (т.е. когда он страдает как христианин), тот не должен ослабевать в своей добродетельной жизни. «Итак страждущие по воле Божией *да предадут* Ему, как верному Создателю, души свои, *делая добро*» [1Пет. 4:19.].

Страдание за Христа так же является одной из основных богословских линий Апокалипсиса. В этой книге мы встречаем семь блаженств, семь же раз встречается слово «Христос», собственно как и семь подсвечников, семь

Церквей, семь труб и т. д. Семь – издревле представляется числом полноты. «И услышал я голос с неба, говорящий мне: напиши: отныне блаженны мертвые, умирающие в Господе; ей, говорит Дух, они успокоятся от трудов своих, и дела их идут вслед за ними» [Откр. 14:13]. Здесь стоит отметить, что Откровение написано во время Домициана, когда в разгаре был культ императора, которого приравнивали к богам. И эта книга изображает, в том числе, и исторические обстоятельства: противостояние Церкви и империи. Приведенное блаженство относится к мученикам, дела которых составляют их сокровище. Вторая частая тема: бдение перед неожиданностью Второго Пришествия и торжество христиан. «Се, иду как тать: блажен бодрствующий и хранящий одежду свою, чтобы не ходить ему нагим и чтобы не увидели срамоты его» [Откр. 16:15.].

Но такие негативные факторы как страдание и плач ценны не сами по себе. Это средства для достижения главного – любви, на которой висят весь Закон и пророки [Мф. 22:40].

Заключительные замечания

К сожалению объем этой статьи не позволяет более подробно раскрыть учение о макаризмах в Св. Писании. Но думаю уже приведенных примеров достаточно, чтобы отвергнуть всяческие утверждения о вторичности христианства и признать новизну Евангельской вести, ведь счастье – это вершина айсберга мировоззрения, и в определении счастья скрыты ценности для той или иной системы взглядов. В связи с тематикой конференции отмечу какую роль сыграли Евангельские макаризмы в истории России.

Не секрет, что Библия и святоотеческая литература стали одними из первых письменных памятников Руси. Так в XI веке образованный славянин мог читать слова Григория Богослова и Шестоднев Василия Каппадокийского. И уже в «Повести временных лет» Нестор, описывая благотворительность бедным Владимира Крестителя, цитирует: «Блаженны милостивии, яко тии помилованы будут» [18, с. 168-169]. Лучшие сыны

Русского Отечества руководствовались именно христианскими ценностями. Достаточно вспомнить хотя бы патриарха Гермогена, который умер от голода, отказавшись уговорить русское ополчение на отступление. Либо князя Александра Невского, который ценил свою веру настолько, что отказался от языческих обрядов на приеме у хана. Что давало силу этим людям? Ведь, если взять по объективным меркам, то у них не было семьи, они полностью были заняты служением своему народу. И они не видели благодарности за свои поступки: Александра Невского изгоняли, а Гермоген умер в темнице до освобождения Москвы от поляков. Где тот стержень на котором они держались в столь тяжелых ситуациях? Ответ можно дать только с позиции духа учения Христа.

Блаженство в христианстве получается довольно субъективным и совсем не показным понятием, доступным только конкретной личности, живущей в учении Христа. Эта личность пребывает в гармонии с миром и его Творцом. Проверить точность этого возможно только на собственном опыте, и особо рационально это не обоснуешь, как и вообще феномен счастья. Несчастных людей всегда хватало. С точки зрения материальной у человека может быть все, но он при этом остается недоволен. Известны ведь случаи самоубийства знаменитых и богатых людей. И если посмотреть на статистику по тому, из-за чего люди становятся бомжами, то мы увидим сплошь исключительно нравственный фактор: кого-то обманули с продажей квартиры, от кого-то просто отказались ввиду здоровья, кто-то спился... И при решении подобных мировоззренческих кризисов наиболее логично обратиться к тому, что уже было достигнуто нашими лучшими предками.

Библиография

1. *Aristotelis. Ars Rhetorica // Рус. пер.:* Аристотель. Собрание сочинений: в 4-х т. / Пер. с древнегреч. Н.В. Баргинской, Т. А. Миллера, А. В. Лебедева и др., общ. ред. И. Д. Рожанского. – М.: Мысль, 1981. – 4 т.
2. *Aristotelis. Ethica Nicomacheia // Рус. пер.:* Там же.

3. *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. / Chantraine P. – Paris: Klincksieck, 1968-1980. — 5 vols. — 1387 p.
4. *Epicurus.* Epistula ad Menekeum // *Рус. пер.:* Материалисты Древней Греции / общ. ред. М.А. Дынника. – М: Гос. изд-во полит. лит., 1955. – 240 с.
5. *Euripidus.* Ippolitus // *Рус. Пер.:* Еврипид. Трагедии: в 2-х т. Т. I / пер. с греч. И. Ф. Анненского; под ред. В. Ярхо. – М: Художественная литература, 1969. – 640 с.
6. *Hesiodus.* Opera et Dies // *Рус. пер. :* Эллинские поэты VII—III вв. до н. э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика / Отв. ред. М. Л. Гаспаров. — М.: Ладомир, 1999. Сверено с изданием 1963 г. – 528 с.
7. *Hesiodus.* Theogonia // *Рус. пер.:* В. В. Там же.
8. *Homerici* Hymni, Ad Demetrae // *Рус. пер.:* Там же.
9. *Homerus.* Ilias. // *Рус. пер.:* Гомер. Илиада / Пер. с древнегреч. Н. И. Гнедича. – Л.: «Наука», 1990. – 384 с.
10. *Homerus.* Odyssea // *Рус. пер.:* Гомер. Одиссея / Пер. с древнегреч. В. В. Вересаева, под ред. И. И. Толстого, прим. С. В. Поляковой. – М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1953. – 322 с.
11. *Pindarus.* Olimpiae odes / *Рус. пер.:* Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты. / подг. М. Л. Гаспаров, отв. ред. Ф. А. Петровский. – М.: Изд-во «Наука», 1980. – 504 с.
12. *Philo Alexandrius.* De vita contemplative // *Рус. пер.:* Филон Александрийский. О созерцательной жизни. / Введ. и комм. И. Д. Амусин, пер. М. М. Елизаровой. // Тексты Кумрана. Выпуск 1: сб. статей. – М.: Наука, 1971. – с.376 - 392.
13. *Philo Alexandrius.* De orificio mundi // *Рус. пер.:* Филон Александрийский. Толкования Ветхого Завета. / Пер. с древнегреч. А. В. Вдовиченко, М. Г. и В. Е. Витковских и др. – М.: Греко-латински кабинет Ю. А. Шичалина, 2000. – с. 51-93.

14. *Plotinus. Enneada I // Рус. пер.:* Плотин. Эннеады: в 7-ми т. / Пер., вступ. ст., коммент. Т. Г. Сидаша, Р. В. Светлова. — СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2004. — 7 т. — (Серия «Plotiniana»).
15. *Plotinus. Enneada V // Рус. пер.:* Плотин. Эннеады: в 7-ми т. / Пер., вступ. ст., коммент. Т. Г. Сидаша, Р. В. Светлова. — СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2004. — 7 т. — (Серия «Plotiniana»).
16. *Sophocles, Antigona. // Рус. пер.:* Софокл. Трагедии / Пер. с древнегреч. С. В. Шервинского, комм. Ф. Петровский, В. Ярхо. — М.: Художественная литература, 1988. — 498 с.
17. *Plato, Timaeus // Рус. пер.:* Платон. Собрание сочинений: в 4-х т. / Пер. с древнегреч. В. С. Соловьева, М. С. Соловьева, С. Я. Шейнман-Топштейна и др., общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. — М.: Мысль, 1990-1994. — 4 т.
18. Библиотека литературы Древней Руси: в 20-ти т. Т.1: Литература XI в./ ред. Д. Лихачева, Л. А. Дмитриева и т.д. — СПб: Наука, 1997. — с. 548.
19. *Латышев В. В.* Очерки греческих древностей. Т.2: Богослужebные и сценические древности. / В. В. Латышев. — СПб: Тип-я В. Безобразова и Коми, 1899. —339 с.
20. *Петрухин В.Я.* Загробный мир. Мифы о загробном мире: мифы разных народов /Петрухин В. Я. — М.: АСТ: Астрель, 2010, с. 158 – 159.
21. *Чанышев А.Н.* Курс лекций по древней и средневековой философии: Учеб. пособие для вузов. — М.: Высш. шк., 1991, с. 512.